[2] *Маннук В. Т.* Основные закономерности формирования здоровья в различных популяциях малочисленных народов Севера. Ин-т медицинских проблем Севера СО РАМН.//Тез. доклада. Красноярск. 1993.

[3] Состояние здоровья коренного населения Ненецкого а. о.//Материалы исследований Архангельского государственного медицинского института. Архангельск. 1991.

[4] *Базарный В. Ф.* Изучение особенностей онтогенеза зрительной системы на этапе НТР и ее роли в физическом и психическом развитии детей и подростков//Депонированный научный отчет. 1988. Красноярский ин-т медицинских проблем Севера СО РАМН.

[5] Материалы экспертного опроса представителей малочисленных народов Севера о перспективах этнокультурного возрождения и социально-экономического развития на 1991 г.//Народы Севера России (серия «Народы и культуры»). Ч. III. В. XVIII. М., 1992.

[6] Данные окружных и местных ОНО//Материалы обследования ЦНИЛТР при Минтруде России. М., 1989.

[7] *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Знакомьтесь: ханты. Новосибирск. 1992. С. 17.

The Main Problems of the Socio-Demographical Development and Employment of Northern Natives Peoples

The policy of intensive integration of Northern native peoples into the country's economy, sedentarization of nomadic groups has led to the decline of aborigional cultures and subsistence patterns. The policy has led to the loss of native tongues and ethno-cultural diversity as well as to physical degradation of the native populations. The problems of demographic reproduction and employment are becoming more acute. The authors discuss the present critical situation and possible solution of the problems, concerning aborigional Northern peoples.

V. F. Klokov, A. V. Koryukhina

© 1994 г., ЭО, № 5

Януш Муха

КОНФЛИКТ, СИМБИОЗ, ИЗОЛЯЦИЯ. ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛЬСКОМ ПРИКАРПАТЬЕ

Западные Карпаты и западная часть Восточных Карпат сотни лет составляли, да и ныне в определенной степени составляют южную границу Польского государства. Говоря о польских Карпатах и о польском Прикарпатье, мы имеем в виду именно эту их часть [1]. Выделяя этот регион для рассмотрения связанных с ним разных общественных групп и систем, мы должны в особенности проявить интерес к периоду, когда уже существовало достаточно отчетливо выраженное сознание этнической принадлежности и сознание культурного своеобразия отдельных групп. В этой связи объектом нашего исследования станет польское Прикарпатье в период с середины XIX в. до второй мировой войны, когда его этническая дифференциация потеряла свой прежний характер. Более поздние периоды будут нами упомянуты, но не будут анализироваться в целом. Тому есть несколько причин.

В результате второй мировой войны в Польше произошли огромные социальные изменения, в том числе и в интересующей нас сфере. Не меньшими были и территориальные перемены. Для нас важнейшей из них стало присоединение Советским Союзом юго-восточных районов довоенного Польского государства, а именно Прикарпатья с его тогдашней «культурной мешаниной». Другим серьезным изменением в этом регионе явилось исчезновение почти всех польских евреев, происшедшее в итоге гитлеровского

геноцида, а позднее эмиграции. Третье изменение — это поэтапное выселение немцев из всего Прикарпатья. Четвертое — акция под названием «Висла», в результате которой около 200 тыс. лиц украинской этнической принадлежности были высланы вопреки их воле на западные и северные земли. Ко всем этим изменениям мы так или иначе будем возвращаться. Новая этническая ситуация в Прикарпатье, отражающая тот факт, что около 95% всего населения Польши являются поляками, не слишком для нас интересна [2].

О проблематике этнических групп написано много работ, однако посвящены они прежде всего современным индустриальным обществам. Как и многие исследователи, под этнической группой я понимаю общность, которая имеет в данном социальном укладе своеобразные черты культуры, передаваемые из поколения в поколение, и осознает свое происхождение от общих предков. Среди черт культуры самыми существенными считаются язык и религия. Важной функцией этнических групп является создание сильного «ощущения единства и подобности» [3].

Общности, которые исследуются в данной работе, исторически фиксируются в конституционном периоде истории Галиции (и австрийской Силезии), а также межвоенном периоде Польской республики. Поэтому и мы не можем смотреть на них как на этнические группы, входящие в состав современного плюралистического индустриального общества, или как на группы, представляющие такое общество. Общности о который пойдет речь,— это, скорее (но не только), «этнографические группы», или «народные группы». Роман Райнфусс подчеркивал связь «этнографических групп» с определенной географической территорией [4]. Юзеф Обрембский подчеркивал связь народных групп (главным образом занимающихся земледелием в широком его понимании) с «формализованными общественными образованиями», такими, как гмина, повят, государство. У Ю. Обрембского, так и в современной социологической и антропологической мысли, основным поводом к появлению групповой идентичности, чувства групповой принадлежности являются контакты и взаимоотношения члена данной группы с людьми, принадлежащими к иной группе. «Этничность» обнаруживается только тогда, когда происходит контакт двух неодинаковых этнических групп, а следовательно, в плоскости культурных различий. Здесь очень важно учитывать понятие «чужого» [5]. Говоря языком классика, конфликт с внешней группой усиливает идентичность внутренней группы [6].

Что можно ожидать в результате этнических конфликтов? Какие у них социальные основы, каковы их социальные функции, кроме уже упомянутых? Общие теоретические работы, посвященные этническим вопросам, предлагают нам целый ряд гипотез. Нас же интересует главным образом конкретная, исторически и территориально определенная ситуация.

Перед тем как приступить к ее описанию, необходимо остановиться на том, как в данном контексте понимается конфликт. В социологической литературе встречаются три основных понятия конфликта: 1) в значении глубоко коренящегося в структуре социальной системы расхождения, взаимного исключения, групповых целей, вызванных ограниченным количеством повсеместно желаемых благ («противоречие интересов»); 2) «антагонистических» действий или социальных отношений в форме борьбы и соперничества (методы, с помощью которых происходит таким образом понимаемый конфликт, могут быть различны); 3) состояние враждебных позиций или ощущений между группами и отдельными людьми.

Рассматривая конфликт как процесс деятельности, как враждебность или психическое напряжение, можно предположить, что его основа коренится в структуре ситуации. И наоборот, при рассмотрении противоречий интересов обращают на себя внимание их результаты (не возникающие, однако, сами собой и постоянно — отсюда проблема факторов, которые вызывают эти результаты) в образе широко понимаемых враждебных позиций, чувств и

действий [7]. В небольшой статье, имеющей целью осветить этнические отношения на огромной территории в течение почти 100 лет, сконцентрируем прежде всего внимание на тех гранях проблемы, которые проявляются в поведении и сознании, оставив в стороне анализ структурных аспектов.

Возвратимся сначала к упоминаемым выше гипотезам. В так называемых конфликтных моделях общества находим две гипотезы, которые вызывают интерес. Первая утверждает, что конфликт происходит повсеместно в различных общественных системах. Другая гласит, что конфликт приводит к социальному изменению. Какие это конфликты и какие изменения произошли в нашем конкретном случае, покажет эмпирический анализ [8].

Польское Прикарпатье мы делим на три части, имеющие неодинаковую территорию и различные этнические характеристики. Описывая их, пойдем с запада, а именно от Моравских ворот, на восток. Напомним, что нас не интересует вся Галиция (и вся австрийская Силезия), а также не будем брать все социальные группы. Единственно, что нас может интересовать — это Прикарпатье и группы, которые в основе своей состоят из простолюдинов.

«Австрийская Силезия» делится на две части — опавскую и цешиньскую. Первая в этническом отношении были чешской. Вторая с этой точки зрения очень неоднородна. В начале XX в. поляки составляли там 60% населения, чехи — около 25 и немцы — около 15%. Перевес поляков до 1919 г. имел лишь количественный характер. В политическом и культурном отношении доминировали чехи и немцы. Польские традиции находились в упадке, что вызывало обеспокоенность польских общественных деятелей и ученых [9]. Конфликты носили политический, экономический и даже религиозный характер (в Цешиньской Силезии проживало очень много польских протестантов, немецких и чешский католиков)

После восстановления в Польше независимости сменился весь общественный уклад. Теперь доминировали поляки, в результате чего национальное напряжение между ними и чехами было столь велико, что чешское население в значительной мере эмигрировало в независимую Чехословакию [10]. Думается, что численность немцев сильно не уменьшилась, как не ухудшилось и их экономическое положение [11].

Первое, что вырисовывается в ситуации, которую мы могли наблюдать, это то, что несмотря на сильные этнические противоречия в рамках относительно плюралистической общественной системы каковой являлась монархия Габсбургов, удавалось сохранять равновесие между группами. Изменение положения, происшедшее в результате отхода от плюралистической политики (как в Польше, так и в Чехии), привело к «развязыванию конфликта», в котором одна из сторон стала вытесняться. Как и в случае с чешским населением Силезии, ситуация повторилась с немцами на западной окраине Западной Галиции, соседствующей непосредственно с Бельской Силезией. Если в 1910 г. немецкое население составляло там около двух третей, то в 1921 г. только 9% [12].

Изменение этнического состава в Западной Галиции произошло еще больше, чем в Цешиньский Силезии. Наряду с польскими гуралями (горцами) мы встречаем там немцев, евреев, цыган, словаков. Достаточно трудно определить количество немцев на этой территории, хотя мы знаем, что их было мало. Немцы традиционно заселяли этот регион, начиная с XII в., однако в течение нескольких веков они были ассимилированы, оставив после себя лишь некоторые названия (Сромовцы, Тыльманова, Васмунд, Шафлары, Харклова и т. п.).

Впрочем, не немцы составляли основной культурный контекст для «туземного населения» Западной Галиции. С этой точки зрения самой важной была еврейская общность. Евреи живут в Польше с XIII в., но быстрый рост их численности в польском Прикарпатье приходится на конец XVIII в. вследствие антиеврейской внутренней политики Австрии. Еще во времена правления Марии Терезии (1740—1780) 40% евреев в Западной Галиции проживало на

селе. Только позднее, после ликвидации прав «de non tolerandis Judaeis», происходит их сильная урбанизация. На рубеже XIX—XX вв. около 13% западно-галицийских евреев работали в сельском хозяйстве и в лесничестве, а в торговле (включая содержание трактиров) они составляли 37%.

Отношения между местным славянским населением и евреями зависели главным образом от занятий последних. Крестьяне славянского происхождения не испытывали к евреям-крестьянам чувства вражды и предубеждения, были даже случаи выборов евреев-землевладельцев в совет гмины. Иное отношение наблюдалось между польскими крестьянами и арендаторами. Как видно, «отчужденность» была чертой, имевшей тенденцию к усилению.

Около 80% трактиров в галицийской деревне арендовали евреи. Владевший корчмой еврей выступал по отношению к крестьянам как самостоятельный предприниматель, полностью и исключительно ответственный за свою деятельность и ее результаты (например, пьянство крестьян, их долги, а иногда и упадок их хозяйств). Крестьяне не понимали, что эксплуатация со стороны корчмаря была связана с очень высокими расходами на аренду, которую он вынужден был оплачивать владельцам деревень, т. е. католическим польским шляхтичам. Ненависть крестьян распространялась и на евреев-торговцев, особенно на тех, кто давал деньги под проценты или продавал в кредит. И то, и другое часто вело неподготовленных экономически и ментально к продаже их имущества с аукциона. Здесь необходимо отметить, что у евреев взять деньги взаймы было намного легче, чем в кредитных учреждениях или у христианских торговцев, но зато приходилось платить значительно больший процент. Сильная неприязнь крестьян к евреям была также вызвана уверенностью в их значительном богатстве и завистью по этому поводу. Видя имущество, которым обладал еврей-корчмарь, крестьянин вовсе не задумывался над тем, что являлось его частным владением, а что рабочим местом. К уверенности в богатстве евреев добавлялось знание фамилии Ротшильдов. Отсюда глубокая вера в то, что каждый галицийский еврей имел возможность пользоваться их громадным состоянием. Наконец, известно, что среди галицийских крестьян бытовало мнение о лености и безделии еврейских арендаторов. Крестьяне признавали за труд только работу на земле. Отсюда их положительное отношение к немногочисленным евреям-земледельцам и отрицательное к корчмарям и торговцам. Арендатор все свое время проводил в корчме, а крестьянин — на физических работах. Лишь немногие из крестьян понимали, что содержание корчмы — это тоже работа. Большинство же думало, что арендатор ничего кроме продажи водки в корчме не делает.

Как считает Ярослав Кравчик, историческим исследованием которого мы воспользовались [13], глубоко укоренившаяся, стереотипная по своему характеру неприязнь крестьян к евреям служила основным поводом к многочисленным антиеврейским выступлениям, которые не имели под собой реальной конкретной почвы. По его мнению, происходившие в польском Прикарпатье выступления, или погромы, в частности в конце 90-х годов прошлого столетия, были связаны также с резким увеличением процента еврейского населения в некоторых районах.

Антиеврейские беспорядки, исследованные Кравчиком, в 1897 охватили Ходорово и Сходницы, а в 1898 г. почти всю Западную Галицию. Вследствие погромов, которые не имели какой-то одной существенной причины, в Галиции в 1898 г. было введено чрезвычайное положение. Это несколько успокоило страсти в ее западной части. Тем не менее, слухи о беспорядках дошли до Восточной Галиции, вызвав там столкновения. Участвовало в них главным образом польское, а не украинское крестьянство.

Как можно интерпретировать конфликты между крестьянами и евреями? Евреи считались «чужими», «другими», исходя из их религии, культуры и занятий. Они были «посредническим меньшинством» [14], поставленным под удар в конфликте между доминирующей и экономически неразвитой группой.

Последняя, не понимая всей ситуации, действует без учета условий, возникших на почве противоречивых интересов. Следует сказать, что конфликт длился десятки лет и проигрывающая группа не имела возможности в целом уйти от этого конфликта. Однако массовая эмиграция галицийских евреев в Америку показывает, что такие попытки предпринимались многими семьями.

Еще одной неславянской группой, обитающей в польских Карпатах, являются цыгане. Как известно, они перекочевали туда в XIII—XV вв. вместе в валахами [15]. В отличие от других цыганских групп, которые появились в Польше значительно позже, горские цыгане, или «Bergitka Roma», из поколения в поколение ведут оседлый образ жизни. В основном они жили в старых повятах — Новотаргском и Новосондетском, в таких поселениях, как Новы Тарг, Харклова, Маневы, Юргун, Чарна Весь, Шафлары и др. Они были самыми бедными цыганами в Польше и занимались не только гаданием и нищенством. Мужчины работали в каменоломнях; изредка среди них встречались кузнецы, что являлось следствием уменьшения потребности в этом ремесле. Можно сказать, что горские цыгане были цыганским пролетариатом. В далеком прошлом они жили в землянках, позднее — в убогих домах-халупах.

Как в районе Подхаля, так и в районе Спиша, где проживали и до сих пор проживает наибольшее число горских цыган, их отношения с гуралями были очень непростыми. С одной стороны, гурали требовали от цыган выполнения обычно мелких и не требовавших высокой квалификации кузнечных работ, с другой стороны, пренебрегали ими. Цыгане не уважали тех, кто занимался систематическим трудом, а в гуралях видели лишь поставщиков продовольствия. Тем не менее, до 50-х годов XX столетия между гуралями и цыганами сохранялся симбиоз, который прекратился в результате индустриализации, давшей последним возможность иметь прибыльную работу в Чехословакии, что, несомненно, улучшало их экономическое положение. Это, однако, не изменило отношения к ним гуралей. Стереотип остался. Благосостояние цыган вызывало раздражение у гуралей. Длительный симбиоз строился на том, что цыганам на социальное иерархической лестнице отводилось место в самом низу [16].

Приведем два примера неприязни гуралей к цыганам. До второй мировой войны в Шафларах было большое скопление цыган. Во время оккупации шафларская гмина оттеснила их в построенные за ее границами шалаши, где они и обитали до второй половины 70-х годов [17]. В другом регионе, в Лиманове, цыгане сожгли жилища, в которых они проживали недалеко от города, и стали чаще, чем прежде, появляться в центре города и «мозолить глаза людям». Возникли протесты из-за того, что цыгане якобы наносят ущерб городу. В результате по отношению к ним была применена сила [18].

Есть сходство и вместе с тем разница между конфликтом гуральско-еврейским и конфликтом гуральско-цыганским. Цыгане, будучи католиками, отличались, однако, от гуралей в культурном отношении. Именно поэтому они были «чужими». Но они не рассматривались как «посредническое меньшинство», а стало быть не имело повода к тому, чтобы использовать их в качестве «козла отпущения». Цыганские погромы — явление редкое, ибо у них нечего крушить или грабить. Более того, отличительным признаком в гуральско-цыганском конфликте была бескорыстная помощь самым бедным цыганам со стороны помыкавших ими гуралей [19]. Следует сказать, что и евреи, и цыгане могут быть признаны в культурном отношении как «отступившие меньшинства», находившиеся в маргинальном положении по сравнению с доминирующей группой. В определенной степени они находились в «конфликтном симбиозе» с ней, не являясь при этом инициаторами этого конфликта. Евреям уход от конфликта во-первых, был чрезвычайно необходим (из-за острого характера конфликта), и, во-вторых, осуществить его было гораздо легче (эмиграция в Америку). Цыгане не подвергались столь активным нападкам, однако и шансы на эмиграцию у них имелись небольшие. Добавим,

что обе эти группы постигла одинаковая участь во время второй мировой войны. И те, и другие понесли значительные потери от гитлеровцев.

В польских Западных Карпатах, на запад от Силезии, рядом с польскими гуралями и неславянским населением «чужих» проживала также непольская, но славянская земледельческая группа «местных». Это были словаки, а на восток от Нового Сонча — лемки. Словаки обитали главным образом в польской части Опавы и Спиша. Эта группа до сих пор мало изучена. Как известно, многие словаки, ясно осознавшие себя таковыми, после 1918 г. эмигрировали в Чехословакию. Они сделали это по примеру «польских» чехов, живших в Силезии.

В межвоенной Польше у словаков не было собственных школ. В данном отношении они представляли собой несостоявшуюся этническую группу. Происходило это, возможно, из-за небольшого числа людей с ярко выраженным словацким самосознанием (менее 1000 человек). Родной язык они могли использовать только дома и в церкви [20]. После второй мировой войны едва ли можно насчитать 20 тыс. словаков в Польше [21]. Насколько приведенные данные точны, можно судить по факту развития словацкого самосознания у групп, которые раньше не имели такого самосознания. В послевоенной Польше они не являются уже неразвитой этнической группой. У них есть собственные школы. В селах Опавы и Спиша на магазинах можно видеть вывески на словацком языке. Вместе с тем в костеле ситуация не изменилась, даже ухудшилась. Польские ксендзы долго не хотели признавать словацкого этнического меньшинства. Из-за этого, например, в 70-х годах в Нова Бялей произошел острый конфликт в церковном приходе. Правда нельзя говорить, что это был серьезный этнический конфликт. Ни территориальные, ни социально-культурные границы не разделили серьезно обе общности. Схожесть культуры на протяжении сотни лет, главным образом между селами и семьями по обе стороны границы, перевес в сторону регионального и государственного сознания (венгерского над «национальным») являлись важными факторами, способствовавшими сохранению «этнического мира». Думается, что этот мир закончился тогда, когда разница между поляками и словаками была использована церковным и государственным институтами, а также национальными идеологами для реализации целей, далеких от устремлений населения Опавы и Спиша.

В Западных Карпатах (а именно на запад от Прелемчи Лубковской) и в Западной Галиции (а именно на запад от Сана) есть такие районы, где издавна проживала еще одна земледельческая славянская, но не польская группа. Это русины (украинцы). Как и гуральские группы, признанные «чисто польскими», они имели польско-украинско-валашское происхождение [22].

С точки зрения генезиса населения трудно отделить друг от друга Западные и Восточные Карпаты. Так, прежде всего восточно-карпатские гурали являются выходцами, по крайней мере частично, из валашских иммиграционных волн. В западной части Сана мы имеем дело с группой лемков, находящихся под очень сильным польским и словацким влиянием. Дальше на восток живет группа бойков украинско-валашского происхождения. Еще дальше на восток, на границе с румынско-украинской Буковиной, осела группа гуцулов, которые имеют наименьшее генетическое влияние со стороны севернославянского этнического элемента (украинцев, поляков, словаков), но наибольшее со стороны элемента румынско-балканского).

Существуют различные взгляды относительно границ расселения лемков. Не вдаваясь в дискуссию, повторим за Андреем Квилецким, что границы эти пролегают между Попрадем и Прелемчи Дукельской на востоке [23]. Если граница между польскими и лемковскими поселениями была четкой и постоянной, то на южной стороне Карпат лемки и словацкие группы проживали в условиях взаимного проникновения. Название «лемко» возникло в XIX в.

Сами лемки называли себя «руснаками», таким же образом они осознавались и соседями.

Лемки отличались от других активным неприятием цыган и евреев. Отношение к полякам — «носителям более высокой культуры» — было куда более позитивным. Поляки для лемков являлись «группой позитивного отнесения», однако культурное разграничение между двумя этими группами было очень сильным. Лемки никогда не ассимилировались. Они отличались от поляков тем, что представляли собой достаточно далекую этническую общность, характеризующуюся рядом культурных черт, которые легче всего влияют на возникновение чувства общности и отличия от других. Это прежде всего язык, а также греко-католическая (или православная) вера. Изоляционизм лемков заключался в их исключительно коллективистском образе жизни и в тенденции к сохранению этнической эндогамии. Впрочем, поляки не стремились к контактам с лемками. Имея чувство культурного превосходства, они нередко давали ему выход. Так, польские государственные власти противились стремлению лемков к автономии (о причинах конфликтных отношений между поляками и украинцами в широком понимании писал, в частности Томашевский [24]).

Как подчеркивает Анджей Квилецкий, население Лемковщины делило себя на ряд более мелких локальных групп, имеющих свои собственные, традиционные названия в языке лемков. Изначально сильная внутренняя связь в границах этих локальных этнографических групп к концу XIX в. ослабла по мере того, как постепенно начало возникать чувство принадлежности к общелемковской региональной группе или к украинской национальной группе. Культурное единство лемков имело свободный выход в рамках многонациональной и относительно терпимой в этом отношении австро-венгерской монархии с 1807 г. до начала первой мировой войны. Позднее в этом регионе возникли националистически ориентированные государства Польша и Чехословакия, которые перерезали Лемковщину своими границами, прервав таким образом свободные культурные контакты между лемками южных и северных Карпат. По обе стороны гор начали создаваться товарищества и комитеты. Лемки попробовали создать также более широкие политико-национальные структуры. В 1918 г. они направили свои усилия на организацию Национальной республики лемков, а затем Лемковской республики. Вторая просуществовала 16 месяцев. В марте 1920 г. ее лидеры, как сообщает Квилецкий, были арестованы, но после процесса, состоявшегося в Новом Сонче, их выпустили на свободу.

Начиная с середины XIX в. на Лемковщине наблюдались «старорусские», или панроссийские влияния. В начале XX в. появилась и стала усиливаться упоминавшаяся выше идеология своеобразия и единства всего украинского народа, независимого в культурном отношении ни от России, ни от Польши. В этих рамках признавались и лемки, которые сами частично идентифицировали себя как часть украинского народа.

В период с конца XIX в. до начала второй мировой войны среди лемков наблюдаются колебания в выборе ими той или иной национальной идеологии. Особенно это касалось различных групп. Концепция принадлежности данной общности в целом к украинскому народу была общеизвестна, однако не имела глубоких корней. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что вплоть до 1937 г., как утверждает Квилецкий, происходил процесс отхода лемков от униатской церкви и перехода их в православие. Греко-католицизм был характерен для украинцев (официальное название Украинский Костел Католический). Отсюда уже упоминавшаяся тенденция, быть может смело интерпретируемая как разрыв связей между лемками и украинцами. В конце межвоенного периода начался, однако, обратный процесс: возвращение лемков в греко-католическую конфессию. Эмиграция коренного населения Лемковщины началась во время второй мировой войны, да и то непосредственно перед

началом военных действий между Германией и СССР в июне 1941 г. Находясь еще в дружеских отношениях после взятия Польши и раздела ее, Германия и СССР произвели приграничный обмен населением. В 1944—1946 гг. происходила репатриация добровольцев из Польши на советскую Украину. Формально она была добровольной, однако на практике происходило насилие. В Польше, тем не менее, осталось 30—40% коренного населения Лемковщины.

Очередная акция, получившая название «Висла», жертвой которой стали лемки, была совершена в апреле — июле 1947 г. Тогда польские государственные власти (вероятно, с одобрения советской военной администрации) пришли к выводу, что единственно эффективным способом одержать победу в гражданской войне, продолжавшейся в юго-восточных регионах страны в ее новом виде, было бы избавление от вооруженного украинского антикоммунистического подполья, которое поддерживало гуральское население. Однако ничего не известно об участии русинов в борьбе на стороне подполья, о всевозможном его обеспечении; никто не попытался узнать о поддержке партизан. Насильственное переселение осуществлялось исключительно на основе этнического критерия: были вывезены даже сельские функционеры Польской рабочей партии. В тот период в общей сложности подверглись переселению 30—35 тыс., т. е. практически все лемки. Они были рассеяны по всем приобретенным Польшей после войны западным и южным землям [25]. В результате акции «Висла» оказались безлюдными ранее густонаселенные села, удалось уничтожить и экономические основы Лемковщины. Еще одним результатом этой акции до сих пор остается чувство вины перед насильственно выселенными гуралями.

Именно этот конфликт происходил в рамках интересующей нас модели. Следует подчеркнуть тот факт, что мы имеем здесь дело с несколькими его уровнями. С одной стороны, это соотношение между доминирующей в культурном и политическом плане польской группой и находящейся в подчиненном положении группой лемков. С другой стороны, это конфликт между возрожденным вновь Польским государством и устремленным к государственной суверенности национальным меньшинством. С третьей стороны, мы встречаемся с проблемой внутреннего идеологического конфликта в пределах самих лемков. С четвертой стороны, интересным образом накладываются тут друг на друга различия национальные и религиозные. И наконец, мы видим, как польские власти используют лемков в качестве «козла отпущения», а также пытаются развязать конфликт между ними и вооруженным украинским подпольем посредством насильственного переселения беззащитной и слабой в политическом отношении этнической группы.

Район Лемковщины и сегодня является конфликтным. До сих пор существует сильное противостояние между приверженцами Украинского Костела Католического и верующими Римско-Католического Костела.

От районов расселения лемков на восток находятся земли бойков и далее гуцулов. Эти группы в культурном отношении отстоят еще дальше от западной цивилизации и еще слабее организованы политически, чем лемки. Бойки и гуцулы жили далеко на восток от основных мест сосредоточения польского населения и на юго-восток от словаков; они имели мало контактов с современностью [26]. Роман Райнфусс считал даже, что район расселения бойков — это удачная для анализа динамики культурных изменений территория. Особенно интересными, по его мнению, могли бы быть исследования, касающиеся влияния на бойков польской мелкопоместной шляхты, а также немецких колоний. Эти колонии, возникшие главным образом в конце XVIII в., находились в нескольких повятах, населенных бойками. Райнфусс обращает особое внимание на колонии, расположенные в Стрыйском повяте. В некоторых бойковских селах немцы составляли около 20% от всех жителей. Сам автор, однако, обращает внимание на то, что немцы в достаточной степени изолировались от местных жителей и прочно сохраняли свое культурное

отличие. Райнфусс призывал ученых к исследованиям динамики культурных изменений еще в публикации 1939 г., что свидетельствует об отсутствии таковых в межвоенный период. Начало войны, перемещение и вывоз поляков, бойков, немцев, присоединение их территорий к советской Украине привели к тому, что вскоре этот призыв перестал быть интересным для польских ученых. Бойки, как и гуцулы, представляли собой бедняков с низким уровнем образования. Они не имели значительной культурной и политической элиты, а следовательно, были не в состоянии выражать своих устремлений к культурной и политической автономии. Они не подверглись ни полонизации, ни германизации. Поляки следили только за тем, чтобы у них не было тесной связи с граничившими с ними на севере украинцами. Бойки привыкли к индивидуальному стилю жизни, ведя хуторское хозяйство. Отсутствие этнического конфликта между ними и соседями не означало сотрудничества, а являлось всего лишь следствием культурной изоляции.

В завершение рассмотрения дифференциации в польском Прикарпатье возвратимся к группам неславянским, проживающим в Восточных Карпатах. Они отличались от других крестьян способом организации и управления земледельческими хозяйствами, по-польски говорили бегло, некоторые общались на польском языке даже дома. Вторая мировая война подвела черту под существованием в Восточных Карпатах немецкого населения. После присоединения этих территорий к Польше все немцы были выселены в Германию.

Другой неславянской группой, проживавшей на восток от Сана, были евреи. Восточно-галицийские евреи занимались главным образом торговлей и ремеслом. Они жили преимущественно в небольших местечках и являлись людьми довольно бедными. Это была очень «красочная» группа, с культурной точки зрения «экзотичная» и, таким образом, крайне «чужая». Это выражалось в существовании в ее недрах хасидизма, в наличии дворов святых цадиков и паломников к этим дворам и. д. [27]. Отношения евреев с другими жителями нельзя назвать хорошими в связи с упоминавшимися выше причинами. Важным модификационным фактором являлось, однако, то, что до второй мировой войны евреи жили в совершенно закрытом в культурном отношении мире, стараясь свести до минимума контакты с гоями. Holocaust совершенно уничтожил еврейское население Прикарпатья.

В 1931 г. евреи составляли 7,5% населения Станиславовского воеводства, в то время как немцы — 1,1%. В данном отношении эти общности были несравнимы, хотя обе являлись очень заметными. В Восточных Карпатах проживали и очень небольшие, мало заметные неславянские меньшинства. Назовем хотя бы группу караимов, состоявшую из нескольких сот человек, живших там с XIV в., а также греков, поселившихся в 1951 г. в нескольких селах Устжитского повята. Греки и греческие македонцы появились в Польше в качестве беженцев в результате гражданской войны. Приехало их не больше 3000 человек. Некоторые остаются в этих краях до сих пор. В Бешчадах греки представляли достаточно изолированную группу, однако эта изоляция не могла быть и не была полной. Конфликты между ними и поляками не носили серьезного характера и возникали главным образом потому, что греки оказались непримиримыми коммунистами и имели непонятный для местного населения способ разрешения собственных внутригрупповых (хорошо видимых извне) конфликтов. В целом беженцы пользовались симпатией поляков [28].

Подведем некоторые итоги. На очень большом пространстве, о котором шла речь, мы встречаем различные типы этнических групп. Прежде всего это население, признаваемое нами в интересующем периоде как польское, но имеющее фактически различное происхождение (в том числе валашское и немецкое). Это главным образом крестьяне-католики с ярко выраженным этноцентризмом. Имеется здесь и местное сельскохозяйственное чешское, словацкое и прочее население; причем мы можем зафиксировать кроме

католицизма и другие религии в Силезии — протестантизм (среди поляков), греко-католицизм и православие. Встречается тут и население немецкого происхождения, проживающее в селах и маленьких городках, которое часто определяется как пришлое. В Восточных Карпатах оно, как нам кажется, действительно пришлое (колония появилась в XVIII в.), но в Западных Карпатах оно было давнишним, стабильным элементом данного региона. Тем не менее немцы считались «чужими». Между ними и польским населением существовало, впрочем, полное равновесие, исключавшее открытые конфликты.

В этом регионе, наконец, можно встретить и неземледельческие группы с признаками культуры, сильно отличающимися от доминирующей культуры польских крестьян. Речь идет о цыганах и евреях. Отметим, что были они «чужими», как и немцы, и представляли собой достаточно прочный элемент в этнической мозаике Прикарпатья. Оценка их в качестве пришлого элемента понятна, но достаточно слабо обоснована с точки зрения исторической перспективы заселения этого региона. Важным элементом их «чуждости» являлся их несельскохозяйственный образ жизни.

Если сконцентрироваться на внеполитических и внеидеологических социальных отношениях, то можно сказать, что этнический конфликт происходил прежде всего между группами земледельческими и неземледельческими. Последние вполне осознавали свой статус «неполноценного меньшинства». Если включить в анализ государство и национальную идеологию, то окажется, что и земледельческие группы, трактуемые как «местные» со стороны политически доминирующих земледельческих групп, могут признаваться в качестве «чужих» и стать объектом агрессивных действий. Интересно, что именно они вынуждены были либо сами отстраниться (например, чехи и словаки), либо с помощью силы оказались оттесненными с арены, на которой уже не боролись отдельные общности, а «делалась» трагическая по последствиям История (лемки, западно-галицийские немцы). Следует также помнить о том, что истребление неземледельческих меньшинств (евреи, цыгане) также было не результатом этнического конфликта между локальными общностями, а результатом политики и идеологии в глобальном масштабе.

Г. Е. Симпсон и Дж. Вингер выделяют шесть главных вариантов этнических отношений: плюрализм, ассимиляция, правовая защита меньшинства, его переселение, подавление и истребление[29]. Наш анализ показал почти все эти примеры. Мы обратили также внимание на более конкретные ситуации.

Остановимся в заключение на еще одном вопросе. Обычно конфликты происходят на какой-нибудь общей платформе. Так случилось и в рассматриваемом нами регионе. Все взаимоотношения между различными этническими группами польского Прикарпатья с небольшим перерывом с конца XVIII в. до второй половины XIX в. имели двойную общую основу. Они регулировались польским государственным законодательством (включая право на автономизацию Галиции в 1867 г.). Представители всех культурных групп должны были подчиняться польскому праву, которое выделяло из всей этнической мозаики один только элемент — польский; всем группам следовало учиться в польских школах. Другим аспектом этой общей основы являлись имущественные отношения в деревне. Интересовали нас здесь главным образом группы, представленные деревенским людом. Хотя крестьяне, арендаторы и ремесленники и находились в различных этнических группах, владельцами земли были в основном поляки. Даже тогда, когда австрийцы непосредственно управляли Галицией, они усиливали польское доминирующее положение.

Примечания

[1] В основу этой статьи положен текст неопубликованной работы «Этническая дифференциация в польском Прикарпатье», подготовленной в рамках исследовательской деятельности Отдела социальной антропологии Ин-та социологии Ягеллонского университета. Эта деятельность частично финансируется Ин-том религиеведения того же Университета.

[2] Литература послевоенного периода, касающаяся данной темы, немногочисленна. Источники более раннего периода несколько богаче, но они, к сожалению, содержат сведения главным образом о материальной культуре и меньше о социальных отношениях.

[3] *Mucha J.* Przeobrażenia społeczeństwa wieloetnicznego pod wpływem konfliktów etnicznych//Założenia teorii asymilacji/Kubiak H., Palucha A. K. Kraków, 1983. S. 129, 130; *Marger M. N.* Race and Ethnic Relations. American and Global Perpectives. Belmont, 1991. P. 17, 18.

[4] *Reinfuss R.* Pogranice krakowsko-góralskie wświetle dawnych i najnowszych badań etnograficznych. Lublin, 1946. S. 9.

[5] *Obrębski J.* Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęci//Przegląd Socjologiczny. 1936. IV. № 3—4. S. 187.

[6] *Sumner J.* Folkways and Mores N. Y., 1979. P. 12—13.

[7] *Mucha J.* Konflikt i społeczeństwo. Z. problematyki konflitu spolecznego we współczesnych teoriach zachodnich. W-wa, 1978. S. 15.

[8] *Dahrendirf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. L., 1972.

[9] *Rusiński F.* Polska etnograficzna. Część pierwsza: stan posiadania. W-wa, 1915. S. 50, 51; *Gawelek F.* Z Jaworza na Sl,asku austriackim//Lud. 1909. XV. S. 69.

[10] *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszo'sci naridowe w Polsce w latach 1918—1939. W-wa, 1985. S. 157, 158.

[11] *Tomaszewsli J.* Op. cit. S. 121—147; *idem.* Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985. S. 208—236.

[12] *Stoliński Z.* Liczba i rozmieszczenie. Niemców w Polsce//Sprawy Narodowościowe. 1927. № 4. Nadbitka. S. 1—15.

[13] *Krawczyk J.* Rozruchy antysemickie w Galicji Zachodniej w 1898 roku. Praca magisterska. Instytut Historii UJ. Maszynopis. 1985.

[14] *Turner J. H., Bonacich E.* Toward a Composite Theory of Middleman Minorities//Ethnicity. 1980. № 7.

[15] *Bartosz A.* Z badań nad cygańskim kowalstwem na polskim Spiszu//Rocznik Muzeum Etnograficzeno w Krakowie. 1979. T. 6; *Mirga A.* Krajobraz wiejski z Cyganami. Z. badań nasstereotypem Cyganów w Polsce//Prace Etnograficzne UJ1988. № 24.

[16] *Jaklińska-Duda A.* Cyganie osidli w opinii górali spiskich//Etnografia Polska. 1978. XXII. № 2.

[17] *Fenigsen-Orlowska J.* Cyganie nowotarscy — sytuacja współczesna i kierunki zmian//Etnografia Polska. 1978. XXII. № 2.

[18] *Depczyńska J.* Adaptacja Cyganów do życia w mieście//Etnografia Polska. 1978. XXII. № 2.

[19] *Bartosz A.* Ekonomiczne i kulturowe uwarnkowania cygańskiego żebractwa//Lud. 1978. № 62.

[20] *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków... S. 162.

[21] *Byczkowski J.* Mniejszości narodowe w Europie 1945—1974. Wybrane zedadnienia. Opole, 1976. S. 162.

[22] *Dobrowolski K.* Dwa studia nad powstaniem kultury lidowej w Karpatach Zachodnich. Kraków, 1938.

[23] *Kwilecki A.* Łemkowie. Zagadnienie migracji i asymilacji. W-wa, 1974. S. 51—63.

[24] *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków... S. 52—76; *idem.* Rzeczpospolita... S. 67—104.

[25] *Kwilecki A.* Lemkowie..; *Wierzbicki Z. T.* Awand społeczno-kulturalny ludności ukraińskiej w PRL po 1956 roku//Lud. 1975. № LVIII. S. 5—39.

[26] *Reinfuss R.* Ze studiów nad kultura materialną Bojków//Rocznik Ziem Górskich. 1939. Nadbitka; *Ossendowski F. A.* Huculszczyzna. Georgany i Czarnohora. Poznań, b. r.: *Schneider J.* Z kraju Huculów//Lud. 1899. № V.

[27] *Langer J.* Dziewięć bram do tajemnic chasydów. Kraków, 1988; *Buber M.* Opowieści chasydów. Poznań, 1986;

[28] *Biernacka M.* Dawnw oraz współczesne formy organizacji pasterstwa w Bieszczadach//Etnografia Polska. 1962. № VI.

[29] *Simpson G. E., Yinger J. M.* Racial and Cultural Minorities. An Analysis of Prejudices and Discrimination. N. Y., 1985.

Conflict, Symbiosis and Isolation. Ethnic Relations in the Polish Part of the Carpathian Region

The conflict model of a society and its application to the analuysis of ethnic relations in pre-industrial societies is discussed.

The Western Carpathians during the second half of the XIXth century through the end of the Second World War are the focus of the analysis. In the period of 1867 — 1918 the region belonged to the Austro-Hungarian Empire, that is to Silesia and Galicia, Between the World Wars it belonged to the Polish Republic (Silesia and Malopolska lands).

The three main ethnic groups of the Teshen silesia were Poles, Bohemians and Germans, wiht Poles numerically predominating up to the World War I. The political and cultural influence was mainly

exercized by the Bohemians and the Germans. After the war, with the re-emergence of the Polish state, the relations betweem the groups were reversed, and Bohemians emigrated to Chechoslovakia.

In the Western Galicia the three main Slavic groups of highlanders were the Poles, Slovaks and Ruthenians. Polish-Jewish and Polish-Gypsie relations in the region are also characterized.

The focus of the paper is on the impact of the state and national ideologies on ethnic relations in the Carpathian region.

J. Mucha

© 1994 г., ЭО, № 5

Н. А. Дубова, О. Д. Комарова

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ВЫЕЗДЕ

К числу наиболее значимых факторов, обусловливающих эмиграцию из какого-либо региона, относится демографическая ситуация. При объяснении непосредственных причин отъезда мигранты обычно ссылаются на те или иные житейские проблемы, такие, как трудности с жильем, получением образования, выбором профессии и устройством на работу, недовольство низкой оплатой труда или плохой организацией досуга и т. п. По существу же в основе этих казалось бы не связанных между собой мотивов зачастую лежат демографические явления одного порядка, а именно: несоответствие темпов прироста и демографической структуры населения изменениям в социальной сфере.

Вместе с тем, признавая особую важность демографических факторов миграции, было бы серьезной ошибкой оценивать их действие изолированно, вне связи с общей социально-экономической ситуацией в регионе, а также без учета этнокультурных и религиозных традиций мигрантов, их групповой психологии и специфики взаимоотношений с окружающим населением. Как показывает практика, в одних случаях наличие в регионе достаточно сильного демографического давления тем не менее не вызывает эмиграции, в других же, наоборот, толчком для массового оттока населения может стать даже незначительное нарушение демографического равновесия.

Если говорить о бывшем Советском Союзе, то наиболее ярким примером первого рода могут служить республики Средней Азии, ныне суверенные государства — Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан, где несмотря на избыток населения во многих районах, особенно сельских, миграция коренного населения остается весьма незначительной. Наличие явно повышенного демографического давления в этом регионе подтверждается сохранением исключительно высокого по нынешним меркам уровня рождаемости (от 30,4 на 1000 населения в Киргизии до 38,7 в Таджикистане), который превосходил соответствующий среднесоюзный показатель почти вдвое, а показатели большинства развитых стран Европы — даже в три-четыре раза [1]. В аграрном секторе названных государств налицо многочисленная скрытая безработица. Тем не менее сельские жители вовсе не стремятся мигрировать не только в отдаленные регионы, например в Сибирь или на Дальний Восток, где ощущается острая нехватка рабочей силы, но даже в собственные среднеазиатские города.

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., в среднем около 80% сельского населения Средней Азии (от 76,7% в Киргизии до 88,2% в Узбекистане) в момент опроса проживало на том же самом месте, где родилось [2].